

РЕПЕТИЦИЯ „ЛЕСА“

МОСКОВСКИЕ АКТЕРЫ В ТЕАТРЕ ИМ. МЕЙЕРХОЛЬДА

Зал в театре имени Вс. Мейерхольда переполнен. В партере — московские режиссеры и актеры, драматурги, критики, ученики театральных училищ, актеры гастролирующих в Москве периферийных театров.

Идет открытая репетиция отрывков из «Леса» Островского.

Почему «Леса»? Всеволод Эмильевич объясняет:

— Это как раз та постановка нашего театра, которая более других требует тщательной проработки. Мы давно не трогали «Леса». Надо посмотреть, что там накопилось. Сегодня мы начинаем эту работу.

В. Э. Мейерхольд занимает место в зрительном зале, — в проходе, у столика. Просмотр спектакля начинается с последнего эпизода, как наиболее сложно построенного, — с эпизода за столом в усадьбе Гурмыжской.

Актеры — Фадеев, Свердлов, Кулябко-Корецкая и другие — начинают играть эпизод так, как он обычно идет у Мейерхольда.

В. Э. сразу же предлагает отключить всю мизансцену с входом гостей. Пусть все уже сидят за столом. Оркестр пусть играет туш. Поднимается занавес. Сразу же вбегают служанки с пирогами. Из-за стола поднимается Милован и произносит свои известные слова:

— Все высокое и прекрасное основано на разнообразии, на контрастах.

В. Э. мотивирует необходимость такого изменения.

— Эпизоду нехватает четкого начала. Скучно играть экспозицию к действию, — как люди входят, рассаживаются за столом и т. д. Надо начинать сразу с «старарам»...

Не каждый исполнитель быстро догадывается сделать все выводы, вытекающие из такого изменения ситуации. Кто-то продолжает играть по-старому. Служанки появляются, как прежде, со значительным опозданием. Аркашка не находит подходящих жестов, которых требует новая обстановка при его появлении у Гурмыжской.

— Опять мертвая пауза, — кричит В. Э. из зала. И заставляет Милована, кажется, уже в седьмой раз, начинать сначала:

— Все высокое и прекрасное основано на разнообразии.

Пир в помещицком доме разворачивается не так, как это хочется режиссеру.

— У вас на сцене все резонерствуют, — говорит В. Э. — И Гурмыжский — резонер, и Аркашка — резонер, и Аксюша — резонер. А надо, чтобы на сцене кипела жизнь. Чтобы гости пили и жрали. Кто-то пролил вино. Кто-то уронил кусок пирога на колени соседки. Из таких отдельных штрихов и получается правда на сцене... В то же время надо, чтобы сквозь эту картину просвечивало и хорошее сердце Гурмыжского, и хамство Волаева, и все прочее, что имеется в пьесе. Это не трикачество, а показ быта во всей его полноте. Без создания на сцене такой атмосферы все разговоры будут выглядеть чепухой. Этому учит нас Гоголь в «Мертвых душах» и это же доказывает своими романами Бальзак.

Когда актеру т. Фадееву (Гурмыжский-Несчастливцев) удастся хорошо

осуществить указания Мейерхольда, и он, обращаясь к тетушке, удачно играет с бутылкой шампанского, Мейерхольд аплодирует:

— Видите, сцена уже живет. Главное в том, чтобы сначала создать на сцене бытовые условия для игры актера, а потом уже думать о психологических нюансах.

Другие актеры не так легко усваивают режиссерские ремарки, как Фадеев. Тогда Мейерхольд начинает действовать не словами, а показом. Самым настоящим школьным показом.

Он отодвигает в сторону Буланова, садится на место гимназиста рядом с Гурмыжской и демонстрирует, как он на его месте разыграл бы мимическую сценку, когда племянник направляет откупориваемую бутылку в сторону тетушки. Разыгрывает эту сцену В. Э. блестяще, и она, как и ряд других показанных им сцен, сразу же входит в спектакль.

Мейерхольд увлекается. С большой изобретательностью он вносит все новые и новые штрихи и детали в игру исполнителей. И когда эпизод исполняется в пятый или шестой раз, он уже выглядит не так серо и скучно, как вначале. Он звучит на сцене, как художественная правда.

★
Когда после двухчасовой работы с актерами В. Э. Мейерхольд объявляет перерыв, фойе театра гудит от шумных споров.

Кто-то горячо возмущается методами работы Мейерхольда с актерами — этими «точными указаниями, где и

когда сделать какой жест», этим «сковыванием актерской самостоятельности».

— Хорошо, что у Мейерхольда сейчас посредственные актеры. А что получилось бы, если бы здесь были Варламов, Давыдов, Савина... Показала бы ему Марья Гавриловна... Собеседник так же горячо возражает:

— Тогда бы режиссер изменял и методы своей работы.

— Это верно... Но если актеры посредственные, их и надо учить, как в школе. Мейерхольд так и поступает.

— А вы обратили внимание, — вмешивается кто-то в разговор со стороны, — никто из актеров не предложил Мейерхольду самостоятельно ни одной новой детали... Никто не сыграл роль по-своему...

Один из спорщиков заявляет, что репетиция его не удовлетворила:

— Я рассчитывал, что Мейерхольд подвергнет свою старую постановку коренному пересмотру. А он ограничился только штопаньем отдельных кусков.

— Чего захотели...

Звонок прерывает споры.

В. Э. Мейерхольд продолжает репетицию. На очереди — просмотр отдельных эпизодов из «Вступления».

В будущем сезоне Мейерхольд предполагает поставить свои показательные репетиции еще более широко. Он хочет, чтобы образовался устойчивый состав зрительного зала, который просмотрел бы весь цикл репетиций. А таких показательных репетиций Мейерхольд думает сделать в год 12—16.

А. КУТ